

Алексей Широков
Александр Шапочкин

НАСЛЕДНИК КЛАНА

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Ш64

Серия «Фэнтези-магия»

Выпуск 11

Оформление обложки *Александра Шапочкина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Широков, Алексей Викторович
Шапочкин, Александр Игоревич

Ш64 Наследник клана : роман / Алексей Широков, Александр Шапочкин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 416 с. — (Фэнтези-магия).

ISBN 978-5-17-116530-7

Это жестокий мир городов-государств. Полисов, где чернь вынуждена томиться внизу, в вечных сумерках, а кланы живут в роскошных небоскребах. Где защитникам стен то и дело приходится отбивать нашествия диких духов, мутантов и прочей нечисти. Где электричество получают из пойманных элементариев, а любой, у кого есть деньги, может прикупить себе свиток с печатью чар, нанесенной профессиональным кудесником.

Здесь каждый день гибнут люди, и не важно, разборки это банд или война чародейских кланов. Как выжить в этом мире сироте, случайно открывшему в себе необычный дар, да и тот ему не подчиняется, раз за разом принося неприятности. И главное, откуда у мальчишки со dna полиса взялись родовые особенности сразу двух древних кланов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116530-7

© Алексей Широков, 2019
© Александр Шапочкин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Бодро вышагивающая троица остановилась в полтора метра от моей койки. Прямо за спиной.

— Слышь, Белый, ночью с нами пойдешь, — спустя пару секунд раздался уверенный — хриплый, но все еще молодой — голос. — «Васильковские» совсем страх потеряли, надо мозги вправить.

С ответом я не спешил. Неторопливо и аккуратно вытянул иголку и, оторвав нитку, отложил рубаху, которую старательно штопал, только после этого соизволил обернуться. Хотя и так знал, кто там.

Рябой с «шестерками». Местный молодежный «бугор», вот только сегодня чуть более наглый, чем обычно. А это неспроста...

Два года назад эта троица были первыми, кто решил показать испуганному «домашнему мальчику», только-только оказавшемуся в приюте, где его место и кем именно видит его местный коллектив в своем составе. И они же первыми огребли двумя увесистыми кусками слежавшегося в камень мыла, завернутого в полотенце на манер кистеня. Рассказов отца о его детстве в детдоме, а затем в кадетском корпусе я не забывал. Правда, до этого момента не думал, что придется самому применять это светлое знание.

В общем, в тот день им сильно не повезло. Стандартная и давно отработанная схема подавления новичка дала сбой, жертва оказалась с зубами и вовсе не прочь была выместить всю боль от недавно случившейся трагедии на первых попавшихся под руку неудачниках. Другими словами, в тот день мне удалось отмахаться.

— Правда, что ли? А с какой это радости? — мазнув по визитерам незаинтересованным взглядом, я отвернулся и принялся демонстративно собирать нитки с иглками. — Тебе надо — ты и дерись. Мне-то какой интерес?

За спиной послышался отчетливый скрип зубов, но попытки ударить меня или сделать еще какую-нибудь глупость не последовало, так что и я не стал светить коротким арматурным прутком, аккуратно заткнутым между матрасом и стальным корпусом койки — прямо под рукой. Детдомовский «бугор» неторопливо обошел кровать и, подтащив к себе стул, уселся напротив. «Шестерки» замерли по бокам.

После первой попытки нового коллектива обрисовать свое видение моего будущего была и вторая, где меня пинали уже толпой в десяток человек. Правда, отлежавшись с недельку, я, в свою очередь, устроил всем участникам геноцид, вылавливая их по одному и доказывая, что обильное домашнее питание вкупе с уроками отца-военного имеет значительное преимущество перед полуголодным существованием в детдоме.

Проще говоря, бил, пока могли стоять. Самое сложное было — управиться с как можно большим количеством переговорщиков, покуда остальные не успели сбиться в стаю. Завершилось все это еще одной особо жестокой дракой, во время которой я в ярости разбил оконное стекло и, ухватив пару осколков, пообещал прирезать их словно баранов. Покуда мне не поверили, успел полоснуть все того же Рябого, и только тогда его свита, поняв, что шутки закончились, разбежалась.

Все-таки мы были совсем еще детьми! Пусть и озлобленными на весь белый свет.

В итоге я получил статус «отморозка», уважение местной шпаны и неделю в карцере на воде и... еще раз воде. Кормить хулигана и вандала никто не собирался, а жаловаться было, естественно, некому. Хорошо хоть дали порезы промыть и замотать обрывками моей же майки.

К чести подрезанного детдомовского авторитета, именно его «шестерки» за время отсидки умудрились передать мне пяток вареных картофелин, так что от голода я не загнулся. А когда вышел, состоялась финальная терка, и у нас установился нейтралитет: меня не трогают — я не мучу воду и, если надо, поддерживаю Рябого. Это устраивало всех, и вот уже два года у нас с ним не было конфликтов. Наоборот, несколько раз меня нанимали разобраться с потерявшими берега чужаками, когда самому «бугру» светиться было не с руки.

— Три пачки сахара, — Рябой, который, судя по взгляду и непродолжительному молчанию, считал, что в этот раз я мог бы подписаться и бесплатно, скрипнул зубами, но озвучил цену за помощь. — Полные, не столовские.

— Пять, — я постарался, чтобы голос звучал как можно безразличней: я тебе нужен — плати, а на нет и суда нет.

Участвовать в разборках «за просто так» я не собирался.

— Хорошо, пять, — к моему удивлению, «бугор» тут же согласился, хотя и поиграл желваками, изображая оскорбленную невинность. — Но кистень свой возьми! И Сидор-Валяла твой. Постарайся его сразу вырубить.

— Лады, — я внутренне поморщился, но сохранил морду кирпичом. — Железо будет?

— И ножи, и пружинники, — Рябой подтвердил мои худшие опасения. — «Васильковские» хотят всю Нахаловку под себя подгрести. Горбатый Гош со своими сдриснул, зассал. Мы одни остались с этого конца. Что, Белый, очко сжалось?

«Бугор» глумливо заржал, и его тут же поддержали шестерки. Я же, стараясь сохранять каменное выражение лица, взял порванную майку и, прокручивая в голове полученные новости, занялся ее починкой. Ну не показывать же Рябому, что закончить рубаху я так и не успел.

Последнюю неделю я редко бывал на улице, предпочтя налечь на учебу. Если раньше мне помогали мамыны уроки, сильно опережавшие школьную программу, то темы этого года мы с ней не разбирали. Не успели. Значит, следовало заняться этим самому, хотя бы в память о родителях.

Они тоже были детдомовскими, но выбрались с нижних уровней, став уважаемыми людьми. В общем-то, даже удивительно, что их сын вдруг был распределен именно в такое убогое заведение на самом дне Москвы. Когда случилась та трагедия, все знакомые отца и подружки матери вдруг куда-то подевались, таинственным образом исчезло завещание, оставив меня без наследства, а тот же кадетский корпус, куда меня вполне могли бы распределить как сына военного, даже не рассматривался комиссией как один из вариантов.

Со всеми этими проблемами я конечно же намеревался разобраться... в будущем. А пока мне нужно было вылезти из той таганской клоаки, в которой я оказался, и повторить путь своих родителей из грязи в люди.

Однако... в нынешнем своем положении отказаться от драки я уже не мог — цену обговорили. Но главным фактором стало даже не это. Важно было не потерять заслуженный за два года авторитет! Вот что было страшно... После такого «падения» я мог просто не дожить до выпуска.

— Вот это, Рябой, не ко мне. Звиняй, но я не по этой теме. Интересуют задницы — иди в бардак на Большом Рогожском. Говорят, там как раз много любителей подобного, — я нарывался, но без ответа наезд оставлять было нельзя — ведь не для того я зарабатывал репутацию, чтобы потерять все после одной-единственной фразы.

— Следи за базаром, — мне в лоб уперся ствол пулевика — древнего, еще однозарядного, но явно готового к стрельбе. — Ты, Белый, совсем берега попутал? Сдохнуть хочешь?

— Я, конечно, не фаталист, но все мы когда-нибудь умрем, — я пожал плечами, демонстративно не обращая внимания на оружие. — Вот ты меня заваляешь, а тебя повесят. «Васильковские» получают таганскую Нахаловку на блюдечке с голубой каемочкой. Зато докажешь, что ты первая кочка на болоте! Ненадолго, правда. А можно было бы пойти и надавать этим козлам по щам, чтобы не лезли на нашу территорию.

Рябой постоял молча несколько секунд, не отводя ствол от моей головы, потом заржал и спрятал оружие. Следом сдавленно захихикли изрядно перетрухнувшие «шестерки». Ну еще бы, за владение боевыми пулевиками, пусть даже такими древними, как этот, виселица грозила не только хозяину, но и всем, кто знал, но не донес. А значит, они были первыми кандидатами на встречу с «Одноногой вдовой», хотя, судя по реакции, только что впервые увидели «пуляло». Но полицейские церемониться не будут — чай, мы не гильдийские или, хлеще того, клановые. Тем хоть пушку таскай, никто слова не скажет. Смысл, если каждый клановый чародей — оружие сам по себе?

— После отбоя выдвигаемся, — «бугор» посчитал конфликт исчерпанным. — Со мной пойдешь — попробуем «васильковских» на поединок развести. Если поведутся — постарайся Валялу как-нибудь покрасивше уложить. Чтобы струхнули.

Я кивнул, ничего не отвечая. А чего болтать — и так все ясно. Репутация, позволившая вполне сносно устроиться в детдоме, сейчас сыграла против меня. Придется хлестаться с Сидором на потеху толпе, но это полбеды. Врукопашную мы уже сходились пару раз за последний месяц... Противником семнадцатилетний детина без следа интеллекта на лице был неудобным — за счет дурной силы и невероятной выносливости, — но не бессмертным. К тому же с кистенем, думаю, можно закончить все быстро. Это оружие, хотя и весьма простое, требовало известной сноровки, поэтому мало кто из пацанов умел им пользоваться.

Уж слишком легко можно было вместо врага зарядить себе в лоб.

Идея подмять нашу Нахаловку возникала регулярно. Таганский жилой район нижнего уровня Москвы изобиловал мелкими магазинчиками, тут имелся даже рынок, куда крестьяне с окрестных хозяйств свозили продукты. Плюс складская зона Таганского вокзала неподалеку. Лакомый кусок для любой банды, особенно с учетом того, что полиция предпочитала сюда не лезть.

Им по большому счету было плевать, кто и как контролирует область, лишь бы мзду вовремя отстегивали. Для нас же потерять Нахаловку — означало лишиться хоть какого-то дополнительного дохода, а значит, жить впроголодь на скудных детдомовских харчах. Лично меня подобное категорически не устраивало. Слишком большие у меня были планы на будущее, чтобы похоронить их из-за банального недоедания.

До отбоя оставалось не так уж много времени, а надо было еще достать молотило из тайника и все проверить, чтобы оружие не подвело в самый важный момент. Нычка была в туалете, под подоконником. Чтобы снять каменную плиту, требовалось немало сил, так что из местных сделать это могли только я да еще, наверное, пару человек. Хотя это скорее была защита от дурака, чем непреодолимое препятствие, многие если и не знали, то догадывались, что там лежит. И что с ними будет, если тронут мои вещи. А вот от случайных «посетителей» тайник оберегал идеально.

Кистень у меня был необычным. Вместо цепи, крепящей било к рукояти, там стояла длинная пружина. Получалось нечто среднее между моргенштерном и палицей, весьма инерционное оружие, которым можно здорово приложить любого. И при должной практике обойти всякую защиту. При этом молотило оказывалось небесполезным и в обороне. Главное было: всегда помнить, что пружина изгибается после любого движения, и планировать на два-три хода вперед. Из

наших таким пользовался только я, а вот у старшаков во взрослых бандах умельцев хватало.

Оружие оказалось на месте — завернутое в промасленную тряпку, чтобы не заржавело. Пружину мне повезло достать очень хорошую — из чародейского металла. Такие ставили на дорогие мобили... Вот ведь беда — какие-то сволочи полгода назад разобрали «Стрижа-41» сынка заведующей детдомом. Правда, тот сам врезался на нем в столб перед нашими воротами, потому как был под ханкой и ничего не соображал, а когда на место прибыли механики, оказалось, что части деталей уже не хватает.

Именно так у меня и появилось мощное оружие, сразу поднявшее мой статус. Без него Рябой вряд ли подошел бы сегодня сам. Прислал бы кого из «шестерок».

Я сделал пару пробных махов. Воздух гудел, рассекаемый билом, рукоять из бересты удобно лежала в ладони, и не думая скользить. За нее я заплатил две банки тушенки, что по нашим меркам было весьма дорого. Но оно того стоило.

Теперь приходилось тратить гораздо меньше усилий, чтобы удерживать молотило, к тому же рукоять не скользила в ладони, даже если на нее попадала вода, пот или кровь. Боек в форме шара, в отличие от моргенштерна, не имел шипов. И так размахивать чем-то подобным было весьма опасно, а лишние трупы мне не нужны, хотя в Нахаловке к чужой жизни относились весьма наплевательски. Впрочем, лично я, несмотря на репутацию отморозка, не стремился убивать направо и налево. Но, возможно, сегодня это изменится.

На ужин я не пошел. Не стоит нажираться перед дракой, да и легкий голод придает злости, а, если победим, Рябой по-любому выкатит поляну. Того же мнения придерживались и остальные, тоже оставшись в комнате. Воспитателям все равно плевать — меньше продуктов переведем, а что не съели сегодня — подадут завтра, даже если оно покроется плесенью.

В девять прозвучал сигнал к отбою, погасили свет, а через полчаса началось шевуршение, и народ потихоньку стал выбираться на улицу. Со сторожем было давно все обговорено, такса за ночную вылазку составляла ровно полтину, но сегодня в любом случае платил Рябой. Или не платил, судя по кривой роже Петровича, и без того не отличавшейся красотой, а сейчас сморщенной так, будто его заставили жевать собственные портянки.

По мере продвижения к площади, где днем располагался рынок, к нашей толпе подтягивались все новые и новые бойцы из местных. Рябой за прошедшие с момента нашего знакомства два года сумел выбиться из «бугров» детдома в юные авторитеты конца Нахаловки. Ему же подчинялись все беспризорники или просто шпана, обитавшая в округе. После выпуска теплое место в банде ему было обеспечено, а пока старшаки приглядывали за мелкими, не препятствуя разборкам, подобным сегодняшним. Выживает сильнейший — на нижних ярусах Москвы этот закон соблюдался беспрекословно.

Улицы были пустыми и темными, тратить деньги на освещение городские власти не собирались, однако на площади горели старые масляные фонари. Уж не знаю, кто подсуетился, но, думаю, это были старшаки. Для них потасовки молодых — словно собачьи бои. Впрочем, иллюминация была, скорее, для зрителей — нам для махача и света с верхних ярусов достаточно. И, судя по темным, но не закрытым ставнями окнам вторых и третьих этажей, скорее всего, я был прав.

С одной стороны, плевать, но с другой — там, где замешаны ставки, а без этого вряд ли обошлось, всегда возможны неприятные сюрпризы. Пулевик Рябого явно из таких. По-другому достать боевое оружие, а главное зарядить его энергией, шпаненок из Нахаловки попросту не мог. А если козырь есть у одного, почему не может быть у другого?

Тем временем наша толпа вывалила на площадь и замерла. С противоположной стороны застыла че-

ловеческая масса банды «васильковских». На первый взгляд, их было ничуть не меньше, а в руках виднелась арматура и цепи. Месилов обещало быть знатным и кровавым.

Чувствую, с сахаром я таки продешевил. Нужно было заламывать цену посущественнее, но сейчас уже не переиграешь. Тупо не поймут. Опять же репутация — все-таки сегодня я выступал в свите Рябого.

Поправив куски фанеры, примотанной эластичным бинтом к груди и животу, я застегнул куртку. В ней было не слишком удобно, но хоть какая-то защита. Тем временем «бугор» выперся на середину площади, а ему навстречу вальяжной походкой вышел авторитет «васильковских» — Шрам.

Чего там главари терли, меня не интересовало. Я крутил руками и ногами, разрабатывая суставы и разогреваясь. Фигура Сидора-Валялы возвышалась над толпой противников. Я даже мог разглядеть его оружие — металлический прут, а скорее, лом, плюс крышка от мусорного бака. Эдакий рыцарь «без страха, упрека и мозга».

«Хм-м! А про меня что можно сказать? — я поежился. — Слабоумие и отвага? Наверное, как-то так...»

Глупо было его не бояться, но это не означало, что я застремаюсь выйти на поединок. К тому же, в отличие от этого детины, я шел не сражаться, а побеждать. Отец всегда учил меня достигать цели самыми короткими путями, и неважно, решение задач это или драка. Он был солдатом-наемником в бесконечных клановых войнах и каждый раз повторял, что на фронте нет места расшаркиваниям и красивым жестам.

Можешь ударить в спину — бей. Если есть, чем засыпать глаза противнику, — сделай это. Ударь внезапно, пока враг не готов, и победишь, а главное — выживешь. Поэтому в результате я не сомневался, скорее, опасался, что меня уже после затопчет толпа, стремящаяся добраться друг до друга.

Тем временем «бугры» закончили разговор и разошлись. Рябой махнул мне, мол, выходи, но я хоть

и шагнул вперед, дальше двигаться не торопился. Сидор тупой, но опасный противник. Славящийся прежде всего отмороженностью, а только потом уже звериной силой и ловкостью. Махаться с ним честно — значит заранее проиграть. А это в мои планы не входило. Зато можно немного схитрить... а заодно показать шоу и раззадорить публику. Раз мы тут боевые псы, то устроим представление.

Валяла уже вышел на середину и невнятно ревел, долбя ломом в щит. Вслед за ним и остальные «васильковские» принялись бросать оскорбления, обвиняя меня в трусости. Наши пока что молчали, но тут нужно точно знать меру, чтобы не пошли возмущенные шепотки. Однако я все равно не двигался с места.

Даже не прореагировал на тихое злобное рычание Рябого. Тот решил, что я дал заднюю, и сейчас страдал разными карами. Однако мне было плевать! Не ему сейчас, может быть, помирать. Сидор был не только по-звериному силен, но еще и нечеловечески жесток и яростен в драке. Долго он не сможет сдерживать себя. И точно, стоило мне не спеша направиться к центру площади, тот, особо громко взревев, ринулся на меня, занося лом для удара. Именно этого я и ждал.

И рванул ему навстречу, на ходу раскручивая молотило. А когда между нами осталось не более двух метров, резко ушел вниз, заваливаясь на бедро, и по инерции заскользил по осенней грязи и рыночным отбросам, пропуская над собой свистнувшую в воздухе арматуру. Сам же от души заехал билом по колену бугая. Тот завопил и завалился, покотившись по брусчатке. А я в это время уже вскакивал на ноги.

Получи, сука! Азарт и ярость кипели в крови. Ходило много слухов об изувеченных Валялой девчонках, а уж искалеченных парней с переломанными позвоночниками я видел сам, своими глазами. «Васильковские» каждый день вывозили их к церкви, заставляя побираться. Но сегодня у меня был шанс отплатить этому уроду за всё. Рыкнув от переполнявших меня чувств, я кинулся к пытающемуся подняться Си-

дору... и едва ушел от тычка заточенным концом лома, едва не нанизавшись на него, словно бабочка на булавку. Вот тварь, он уже оправился и, хотя не мог встать, продолжил сражаться. Да еще неизвестно, сломал ли я чего. Слишком здоровый противник мне попался.

Или... или его банально накачали наркотой, и он просто не чувствует боли.

Делать нечего, оставалось крутиться вокруг васьковского бугая на предельной дистанции, время от времени пробуя прорваться к телу, чтобы нанести удар. И раз за разом наткаться на свистящий в воздухе лом. Несмотря на вес оружия и травму, Валяла даже не выказывал признаков усталости, что еще больше утвердило меня в мысли, что Сидор под дурью. Но все равно! Блин, и это ему всего семнадцать! Что же будет, когда он вырастет?! Если вырастет. Моя задача — не дать этому случиться.

На очередном проходе по кругу Валяла показал, что он, может, и тупой, но хитрый. Как только я сунулся спровоцировать его на удар, бугай метнул свой импровизированный щит, целясь в ноги, и тут же перекатился, оказавшись от меня на расстоянии вытянутой руки.

От первого замаха я увернулся лишь чудом, едва успев среагировать и рухнув пластом на спину. Перекатом ушел от второго, попавшего туда, где я лежал мгновением ранее, — и тут же кувыркнулся назад, заодно подхватив с земли гнилой помидор. Каким бы ты ни был сильным, но удар со всей дури железной палкой по камню бесследно не проходит. Пусть на мгновение, но кисть «отсыхает», перестает слушаться. Именно этих секунд мне и хватило.

Первым делом в переносицу Сидора врезался мягкий расплзающийся томат, надежно залепив оба глаза. А затем уже я, взвившись в высоком прыжке и пропустив под собой широкий мах ломом, вопя от страха, восторга и ярости, рухнул на Валялу, изо всех сил треснув его битком по голове.

— На! — рыкнул я на выдохе.